

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

Советская литература

Доклад на Первом Всесоюзном съезде
советских писателей 17 августа 1934 года*

<...>

Вам известен тот факт, что исключительное, небывало мощное развитие русской литературы XIX столетия повторило — хотя и с некоторым опозданием — все настроения и течения литературы Запада и в свою очередь влияло на нее. Особенностью русской буржуазной литературы можно признать обилие типов «лишних людей», среди которых весьма своеобразны незнакомые Европе типы «озорников»; в фольклоре это — Василий Буслаев, в истории — Федор Толстой, Михаил Бакунин и подобные, а затем тип «кающегося дворянина» в литературе, чудака и «самодура» в быту.

Как и на Западе — наша литература развивалась по двум линиям: линия критического реализма — Фонвизин, Грибоедов, Гоголь и т. д. до Чехова, Бунина, и — линия чисто мещанской литературы — Булгарин, Масальский, Зотов, Голицынский, Вонлярлярский, Всеволод Крестовский, Всеволод Соловьев до Лейкина и Аверченко и подобных.

Когда рядом с завоевателем-феодалом встал удачливый, разбогатевший плут, — наш фольклор в спутники богачу дал Ивана-дурака, иронический тип человека, который достигает богатства и даже становится царем при помощи уродливого коня, заменившего добрую волшебницу рыцарских сказок. Богач покупал славу героя милостыней нищим рабам, чья слепая сила помогала грабить их и завоевателю и богачу.

Церковь, стремясь примирить раба с его участью и укрепить свою власть над его разумом, утешала его, создавая героев кротости, тер-

* Впервые в сокращенном виде: Правда. 1934. № 228. 19 августа. Полный текст доклада см.: Первый Всесоюзный съезд советских писателей, 1934: Стенографический отчет. М., 1934. С. 5–19.

пения, мучеников «Христа ради», создавала «отшельников», изгоняя бесполезных для нее людей в пустыни, леса, в монастыри.

Чем более дробился командующий класс, тем более мелкими становились герои. Наступил момент, когда «дураки» фольклора, превратясь в Санчо Пансу, Симплициссимуса, Уленшпигеля, стали умнее феодалов, приобрели смелость высмеивать господ и, несомненно, способствовали росту тех настроений, которые в первой половине XVI века выразились в идеях «таборитов» и в практике крестьянских войн против рыцарей.

Подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества, которое непрерывно и определенно влияло на создание таких крупнейших произведений книжной литературы, как, например, «Фауст», «Приключения барона Мюнхаузена», «Пантагрюэль и Гаргантюа», «Тиль Уленшпигель» де-Костера, «Освобожденный Прометей» Шелли и многие другие. От глубокой древности фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории. У него свое мнение о деятельности Людовика XI, Ивана Грозного, и это мнение резко различно с оценками истории, написанной специалистами, которые не очень интересовались вопросом о том, что именно вносила в жизнь трудового народа борьба монархов с феодалами. Грубо насильственная «пропаганда» культуры картофеля создает ряд легенд и поверий о происхождении его от сокопления дьявола с распутной девкой, это уклон в сторону древнего варварства, освященного глупостью церковных идей: «Христос и святые не ели картошки». Но тот же фольклор в наши дни возвел Владимира Ленина на высоту мифического героя древности, равного Прометею.

Миф — это вымысел. Вымыслить — значит извлечь из суммы реально данного основной его смысл и воплотить в образ, — так мы получили реализм. Но если к смыслу извлечений из реально данного добавить — домыслить, по логике гипотезы, — желаемое, возможное и этим еще дополнить образ, — получим тот романтизм, который лежит в основе мифа и высоко полезен тем, что способствует возбуждению революционного отношения к действительности, — отношения, практически изменяющего мир.

Буржуазное общество, как мы видим, совершенно утратило способность вымысла в искусстве. Логика гипотезы осталась и возбуждительно действует только в области наук, основанных на эксперименте. Буржуазный романтизм индивидуализма с его склонностью к фантастике и мистике не возбуждает воображение, не изощряет мысль. Оторванный, отвлеченный от действительности, он строится не на убедительности образа, а почти исключительно на «магии слова», как это мы видим у Марселя Пруста и его последователей. Романтики буржуазии, начиная от Новалиса, — это люди типа Петра

Шлемиля, «человека, потерявшего свою тень», а Шлемиля создал Шамиссо, французский эмигрант, писавший в Германии по-немецки. Литератор современного Запада тоже потерял свою тень, эмигрируя из действительности в нигилизм отчаяния, как это явствует из книги Луи Селина «Путешествие на край ночи»; Бардаму, герой этой книги, потерял родину, презирает людей, мать свою зовет «сухой», любовниц — «стервами», равнодушен ко всем преступлениям и, не имея никаких данных «примкнуть» к революционному пролетариату, вполне созрел для приятия фашизма.

Установлено влияние Тургенева на литераторов Скандинавского полуострова, признано влияние Льва Толстого на графа Поленца, Рене Базена, Эстонье, Т. Гарди, в его романе «Тесс», и на ряд других писателей Европы. И особенно сильно было — и есть — влияние Достоевского, признанное Ницше, идеи коего легли в основание изуверской проповеди и практики фашизма. Достоевскому принадлежит слава человека, который в лице героя «Записок из подполья» с исключительно ярким совершенством живописи слова дал тип эгоцентриста, тип социального дегенерата. С торжеством ненасытного мстителя за свои личные невзгоды и страдания, за увлечения своей юности Достоевский фигурой своего героя показал, до какого подлого визга может дожить индивидуалист из среды оторвавшихся от жизни молодых людей XIX–XX столетий. Этот его человек вмещает в себе характернейшие черты Фридриха Ницше и маркиза Дезэссента — героя романа Гюисманса «Наоборот», «Ученика» Бурже и Бориса Савинкова, автора и героя его сочинения, Оскара Уайльда и Санина Арцыбашева и еще многих социальных вырожденцев, созданных анархическим влиянием бесчеловечных условий капиталистического государства.

По рассказу Веры Н. Фигнер, Савинков рассуждал совершенно так, как декаденты: «Морали — нет, есть только красота. А красота — свободное развитие личности, беспрепятственное развертывание всего, что заложено в ее душе»*.

Нам хорошо известно, какой гнилью нагружена душа буржуазной личности!

В государстве, основанном на бессмысленных унижительных страданиях огромного большинства людей, должна была иметь и действительно имела руководящее и оправдывающее значение проповедь безответственного своеволия слова и дела личности. Такие идеи, как идея, что «человек — деспот по природе своей», что он «любит быть мучителем», «до страсти любит страдание» и что смысл жизни, счастье свое он видит именно в своеволии, в неограниченной свободе действий, что только в этом своеволии «самая выгодная вы-

* Речь о романе Б. Н. Савинкова «То, чего не было» (Прим. ред.).

года» для него и что «пусть весь мир погибнет, а мне — чтобы чай пить», — такие идеи капитализм и внушал, и всецело оправдывал.

Достоевскому приписывается роль искателя истины. Если он искал — он нашел ее в зверином, животном начале человека, и нашел не для того, чтобы опровергнуть, а чтобы оправдать. Да, животное начало в человеке неугасимо до поры, пока в буржуазном обществе существует огромное количество влияний, разжигающих зверя в человеке. Домашняя кошка играет пойманной мышью, потому что этого требуют мускулы зверя, охотника за мелкими, быстрыми зверями, эта игра — тренировка тела. Фашист, сбивающий ударом ноги в подбородок рабочего голову его с позвонков, — это уже не зверь, а что-то несравнимо хуже зверя, это — безумное животное, подлежащее уничтожению, такое же гнусное животное, как белый офицер, вырезающий ремни и звезды из кожи красноармейцев.

Трудно понять, что именно искал Достоевский, но в конце своей жизни он нашел, что талантливый и честнейший русский человек Виссарион Белинский — «самое смрадное, тупое и позорное явление русской жизни», что необходимо отнять у турок Стамбул, что крепостное право способствует «идеально нравственным отношениям помещиков и крестьян», и, наконец, признал своим «вероучителем» Константина Победоносцева, одну из наиболее мрачных фигур русской жизни XIX века. Гениальность Достоевского неоспорима, по силе образительности его талант равен, может быть, только Шекспиру. Но как личность, как «судью мира и людей» его очень легко представить в роли средневекового инквизитора.

Я потому отвел так много места Достоевскому, что без влияния его идей почти невозможно понять крутой поворот русской литературы и большей части интеллигенции после 1905–1906 годов от радикализма и демократизма в сторону охраны и защиты буржуазного «порядка».

Увлечение идеями Достоевского началось тотчас после его речи о Пушкине, после разгрома партии народолюбцев, пытавшихся опрокинуть самодержавие. Еще до того, как в 1905 году пролетариат, поняв простую и великую правду Ленина, показал миру свое суровое лицо, — предусмотрительный Петр Струве начал убеждать интеллигенцию, точно девицу, случайно потерявшую невинность, вступить в законный брак с пожилым капиталистом. Сват по профессии, книжный червь, совершенно лишенный своеобразия мысли, он в 1901 году звал «назад, к Фихте», — к идее подчинения воле нации, олицетворяемой лавочниками и помещиками, а в 1907 году под его редакцией и с его участием вышел сборник «Вехи»*, в кото-

* Сборник «Вехи» вышел в 1909 г. (Прим. ред.).

ром было заявлено буквально следующее: «Мы должны быть благодарны власти за то, что она штыками охраняет нас от ярости народной».

Эти подлые слова произнесены были демократической интеллигенцией в те дни, когда приказчик помещиков, министр Столыпин, ежедневно вешал десятки рабочих и крестьян. А основной смысл сборника «Вехи» повторял сказанную в 70-х годах изуверскую мысль матерого консерватора Константина Леонтьева: «Россию надо подморозить», то есть затоптать в ней все искры огня социальной революции. «Вехи» — этот акт ренегатства «конституционалистов-демократов» — старый ренегат Лев Тихомиров весьма одобрил, назвав его «отрезвлением русской души и воскресением совести».

Время от 1907 до 1917 года было временем полного своеволия безответственной мысли, полной «свободы творчества» русских литераторов. Свобода эта выразилась в пропаганде всех консервативных идей западной буржуазии, — идей, которые были пущены в обращение после французской революции конца XVIII века и регулярно вспыхивали после 48 и 71 годов. Было заявлено, что «философия Бергсона знаменует громадный прогресс в истории человеческой мысли», что Бергсон «наполнил и углубил теорию Беркли», что «системы Канта, Лейбница, Декарта, Гегеля — мертвые системы и над ними, как солнце, сияют вечной красотой произведения Платона» — основоположника наиболее пагубного заблуждения из всех заблуждений мысли, отвлеченной от реальной действительности, всесторонне и непрерывно развивающейся в процессах труда, творчества.

Дмитрий Мережковский, писатель влиятельный в ту пору, кричал:

Будь, что будет, — все равно!
Все наскучило давно
Трем богиням, вечным пряхам,
Было прахом — будет прахом!*

Сологуб, следуя за Шопенгауэром, в явной зависимости от Бодлера и «проклятых», с замечательной отчетливостью изобразил «космическое бессмыслие бытия личности» и хотя в стихах и жалобно стонал по этому поводу, но жил благополучным мещанином и в 1914 году угрожал немцам разрушить Берлин, как только «снег сойдет с долин». Проповедовали «эрос в политике», «мистический анархизм»; хитрейший Василий Розанов проповедовал эротику,

* Из стихотворения Д. Мережковского «Парки» (Прим. ред.).

Леонид Андреев писал кошмарные рассказы и пьесы, Арцыбашев избрал героем романа сластолюбивого и вертикального козла в брюках, и — в общем — десятилетие 1907–1917 вполне заслуживает имени самого позорного и бесстыдного десятилетия в истории русской интеллигенции.

Так как наша демократическая интеллигенция была тренирована историей менее, чем западная, — процесс ее «морального» разложения, интеллектуального обнищания у нас происходил быстрее. Но это — процесс общий для мелкой буржуазии всех стран и неизбежный для всякого интеллигента, который не найдет в себе силы решительно включиться в массу пролетариата, призванного историей изменить мир к общему благу всех людей честного труда.

Следует добавить, что русская литература так же, как и западная, прошла мимо помещиков, организаторов промышленности и финансистов в дореволюционной эпохе, а у нас эти люди были гораздо более своеобразны и колоритны, чем на Западе. Вне внимания русской литературы остались такие кошмарные типы землевладельцев, каковы примерно знаменитая Салтычиха, генерал Измайлов и десятки, сотни подобных. Карикатуры и шаржи Гоголя в книге «Мертвые души» — это не так уже характерно для помещной, феодалской России, — Коробочки, Маниловы, Петухи и Собакевичи с Ноздревыми влияли на политику самодержавия только пассивным фактом их бытия и — как кровопийцы крестьянства — не очень характерны. Были другие мастера и художники кровопийства, люди страшного морального облика, сладострастники и эстеты мучительства. Злодеяния их не отмечены художниками слова, даже такими, как величайшие из них и влюбленные в мужика. Черты различия нашей крупной буржуазии от западной весьма резки, обильны и объясняются тем, что наш исторически молодой буржуа, по преимуществу выходец из крестьянства, богател быстрее и легче, чем исторически весьма пожилой буржуа Запада. Наш промышленник, не тренированный жестокой конкуренцией Запада, сохранял в себе почти до XX века черту чудачества, озорства, должно быть, вызвавшегося его изумлением пред дурацкой легкостью, с которой он наживал миллионы. <...>

Мы должны усвоить, что именно труд масс является основным организатором культуры и создателем всех идей, — тех, которые на протяжении веков понижали решающее значение труда — источника наших знаний, и тех идей Маркса-Ленина-Сталина, которые в наше время воспитывают революционное правосознание пролетариев всех стран и в нашей стране возводят труд на высоту силы, коя служит основой творчества науки, искусства. Для успеха нашей работы нам необходимо понять, прочувствовать тот факт, что в нашей

родине социалистически организуемый труд полуграмотных рабочих и примитивного крестьянства создал в краткий срок — в шестнадцать лет — грандиозные ценности и отлично вооружился для защиты от нападения врага. Правильная оценка этого факта покажет нам культурно-революционную силу учения, объединяющего весь пролетариат мира.

Мы все — литераторы, рабочие фабрик, колхозники — все еще плохо работаем и даже не можем вполне освоить все то, что создано нами и для нас. Наша трудовая масса все еще плохо понимает, что она трудится только на себя, для себя. Это сознание всюду тлеет, однако еще не вспыхнуло мощным и радостным огнем. Но ничто не может вспыхнуть раньше, чем достигнет определенной температуры, и никто никогда не умел так великолепно повышать температуру трудовой энергии, как это умеют делать партия, организованная гением Владимира Ленина, и современный нам вождь этой партии.

Основным героем наших книг мы должны избрать труд, то есть человека, организуемого процессами труда, который у нас вооружен всей мощью современной техники, — человека, в свою очередь организующего труд более легким, продуктивным, возводя его на степень искусства. Мы должны выучиться понимать труд как творчество. Творчество — понятие, которым мы, литераторы, пользуемся слишком часто, едва ли имея право на это. Творчество — это та степень напряжения работы памяти, когда быстрота ее работы извлекает из запаса знаний, впечатлений наиболее выпуклые и характерные факты, картины, детали и включает их в наиболее точные, яркие, общепонятные слова. Молодая наша литература не может похвастаться этим качеством. Запас впечатлений, количество знаний наших литераторов не велики, и особенной заботы о расширении, углублении их не чувствуется.

Основная тема европейской и русской литературы XIX столетия — личность в ее противопоставлении обществу, государству, природе. Главной причиной, которая побуждала личность ставить себя против буржуазного общества, — своеобразная, противоречащая классовым идеям и традициям быта организация обилия отрицательных впечатлений. Личность хорошо чувствовала, что эти впечатления подавляют ее, задерживают процесс ее роста, но слабо понимала свою ответственность за пошлость, подлость, за преступность основ буржуазного общества. Джонатан Свифт — один на всю Европу, но буржуазия Европы считала, что его сатира бьет только Англию. А вообще бунтующая личность, критикуя жизнь своего общества, редко и очень плохо сознавала свою ответственность за постыдную практику общества. И еще более редко основным мотивом

ее критики существующего порядка действовало глубокое и правильное понимание значения социально-экономических причин, чаще же всего критика вызывалась или ощущением безнадежности своего бытия в тесной железной клетке капитализма, или же стремлением отомстить за неудачи жизни своей, за унижительность ее. И можно сказать, что, когда личность обращалась к рабочей массе, она делала это не ради интересов массы, а в надежде, что рабочий класс, разрушив буржуазное общество, обеспечит ей свободу мысли, своеволие действий. Повторяю: основной и главной темой дореволюционной литературы служит драма человека, которому жизнь кажется тесной, который чувствует себя лишним в обществе, ищет в нем для себя удобного места, не находит его — и страдает, погибает, или примиряясь с обществом, враждебным ему, или же опускаясь до пьянства, до самоубийства.

У нас, в Союзе Социалистических Советов, не должно, не может быть лишних людей. Каждому гражданину предоставлена широкая свобода развития его способностей, дарований, талантов. От личности требуется только одно: будь честной в своем отношении к героической работе создания бесклассового общества.

В Союзе Социалистических Советов рабоче-крестьянской властью призвана к строительству новой культуры вся масса народонаселения, — отсюда следует, что ответственность за ошибки, неполадки, за брак работы, за все проявления мещанской пошлости, подлости, двоедушия, беспринципности возлагается на всех нас и каждого. И значит — наша критика должна быть действительно самокритикой, и значит, что мы должны выработать систему социалистической морали, регулятора нашей работы, наших взаимоотношений.

Рассказывая о фактах, которые знаменуют интеллектуальный рост рабочего фабрик и превращение векового собственника в коллективиста-колхозника, мы, литераторы, именно только рассказываем, очень плохо изображая эмоциональный процесс этих превращений.

Мы все еще плохо видим действительность. Даже пейзаж страны резко изменился, исчезла его нищенская пестрота, голубоватая полоска овса, рядом с нею — черный клочок вспаханной земли, золотистая лента ржи, зеленоватая — пшеницы, полосы земли, заросшей сорными травами, а в общем — разноцветная печаль всеобщего раздробления, разорванности. В наши дни огромные пространства земли окрашены могуче, одноцветно, над селом и уездным городом возвышается не церковь, а огромные здания общественного назначения, и гигантские фабрики сверкают обилием стекла, и маленькие язычески разнообразные, как бы игрушечные, древние церкви убедительно говорят нам о талантливости нашего народа, выражен-

ной в церковном зодчестве. В литературе нет нового пейзажа, резко изменившего лицо нашей земли.

Мы живем в эпоху коренной ломки старого быта, в эпоху пробуждения в человеке его чувства собственного достоинства, в эпоху сознания им самого себя как силы, действительно изменяющей мир. Многим смешно читать, что люди изменяют фамилии Свинухин, Собакин, Кутейников, Попов, Свищев и т. д. на фамилии Ленский, Новый, Партизанов, Дедов, Столяров и т. д. Это не смешно, ибо это говорит именно о росте человеческого достоинства, об отказе человека носить фамилию или прозвище, которое унижает его, напоминая о тяжелом рабском прошлом дедов и отцов.

Наша литература не так внимательно относится к мелким внешне, но внутренне весьма ценным показателям изменения самооценки людей, к процессам развития нового, советского гражданина. Возможно, что Свинухин взял фамилию Ленского не у Пушкина, а по связи с массовым убийством рабочих на Ленских приисках в 1912 году, а Кутейников действительно был партизаном, а Собакин, дед которого, крепостной раб, быть может, был выменян на собаку, — действительно чувствует себя «новым». До революции для того, чтобы изменить фамилию, нужно было подать об этом прошение «на высочайшее имя» царя, и когда некто Певцов попросил изменить его фамилию по именам матери и бабушки — Авдотьин, на прошении была «начертана» резолюция: «душевнобольной». <...>

Рост нового человека особенно ярко заметен на детях, а они — совершенно вне круга внимания литературы; наши сочинители как будто считают ниже своего достоинства писать о детях и для детей.

Мне кажется, что я не ошибаюсь, замечая, что отцы начинают все более заботливо и нежно относиться к детям, и, на мой взгляд, это вполне естественно, ибо впервые за всю жизнь человечества дети являются наследниками не денег, домов и мебели родителей, а наследниками действительной и могущественной ценности — социалистического государства, созданного трудом отцов и матерей. Никогда еще дети не входили в жизнь такими сознательными и строгими судьями прошлого, и я вполне верю в факт, рассказанный мне: одиннадцатилетняя туберкулезная девочка сказала доктору в присутствии своего отца и указывая пальцем на него: «Это вот он виноват, что я больная, до сорока лет тратился здоровьем на всяких дряней, а потом женился на маме, ей еще только двадцать семь, она здоровая, он, видите, какой несчастный, вот я и вышла в него».

Есть все причины ожидать, что такие суждения детей не будут редкостью.

Действительность дает нам все больше «сырого материала» для художественных обобщений. Но ни драма, ни роман еще не дали

достаточно яркого образа советской женщины, свободно и отлично действующей во всех областях строительства социалистической жизни. Заметно даже, что драматурги стараются писать как можно меньше женских ролей. Трудно и объяснить — почему это? А между тем, хотя у нас женщина социально равноправна с мужчиной и хотя она успешно доказывает разнообразие своих дарований и широту своей трудоспособности, — равноправие это весьма часто и во многом является внешним, формальным. Мужчина все еще не забыл или уже преждевременно забыл, что в течение десятков веков женщина воспитывалась для чувственных забав и как домашнее животное, способное играть роль «хозяйки». Этот старый и гнусный должок истории половине народонаселения земли следовало бы оплатить мужчинам нашей страны в первую очередь и в пример всем прочим мужчинам. И здесь литературе следует попытаться изобразить работу и психику женщины так, чтоб отношение к ней приподнялось над общепринятым, мещанским отношением, заимствованным у петухов.

Далее, я считаю необходимым указать, что советская литература не является только литературой русского языка, это — всесоюзная литература. Так как литераторы братских нам республик, отличаясь от нас только языком, живут и работают при свете и под благотворным влиянием той же идеи, объединяющей весь раздробленный капитализмом мир трудящихся, — ясно, что мы не имеем права игнорировать литературное творчество нацменьшинств только потому, что нас больше. Ценность искусства измеряется не количеством, а качеством. Если у нас в прошлом — гигант Пушкин, отсюда еще не значит, что армяне, грузины, татары, украинцы и прочие племена не способны дать величайших мастеров литературы, музыки, живописи, зодчества. Не следует забывать, что на всем пространстве Союза Социалистических Республик быстро развивается процесс возрождения всей массы трудового народа «к жизни честной — человеческой», к свободному творчеству новой истории, к творчеству социалистической культуры. Мы уже видим, что чем дальше вперед, тем более мощно этот процесс выявляет скрытые в 170-миллионной массе способности и таланты.

Я нахожу нужным сообщить вам, товарищи, письмо, полученное мною от одного татарского литератора:

«Великая Октябрьская революция дала нам, писателям из угнетенных и отсталых народов, неограниченные возможности, в том числе и возможность выступить в русской литературе со своими, правда еще далеко не совершенными, произведениями. Нас, писателей-националов, печатающихся на русском языке, как нам известно, уже десятки и даже сотни. Это — с одной стороны. С дру-

гой — советскую литературу на русском языке читают теперь не только русские массы, но и трудящиеся всех народов нашего Советского Союза; на ней воспитываются миллионы подрастающего поколения всех национальностей. Таким образом, советско-пролетарская художественная литература на русском языке уже перестает быть литературой исключительно людей, говорящих на русском языке и имеющих русское происхождение, а постепенно приобретает интернациональный характер и по своей форме. Этот важный исторический процесс выдвигает на первый план совершенно неожиданные новые задачи и новые требования.

К величайшему сожалению, это понимают не все писатели, критики и редакторы, Поэтому так называемая апробированная литературная общественность в центре продолжает смотреть на нас как на «этнографический экспонат». Не все издательства принимают нас к изданию с охотой. Некоторые частенько дают понять при приеме рукописи, что мы являемся для них «накладным расходом» или «принудительным ассортиментом», что они «сознательно делают скидку национальной политике партии». Эти «мины благородства» вполне справедливо оскорбляют в нас чувство интернационального единства и сознание полноценного человека. Критика же, по выходе произведения из печати, в лучшем случае обмолвится парой «тепленьких словечек» по адресу автора и книги, опять-таки не столько по заслугам, сколько из «уважения» к ленинско-сталинской национальной политике. Это также не воспитывает нас, а наоборот — на некоторых мало искушенных товарищей действует демобилизующе и разлагающе. Затем, после однократного и обычно пяти тысячного тиража, который целиком раскупается любителями экзотики и редкостей в больших городах, нас сдают в архив. Такая практика, помимо того, что оказывает на нас морально и материально плохое действие, — преграждает наш путь к массовому читателю и ведет нас к неминуемой национальной ограниченности. Нам же весьма естественно хотелось бы услышать о своих достижениях, если таковые имеются, о недочетах и ошибках (которых у нас больше, чем у других), чтобы их изжить в дальнейшем, хотелось бы стать доступными массовому читателю».

Вероятно, под этим письмом готовы подписаться представители литературы всех союзных республик и автономных областей. Историки и критики нашей литературы должны обратить внимание на это письмо и начать работу, которая внушила бы людям нашей страны, что хотя они разноплеменны, разноязычны, но все и каждый из них — граждане первого в мире социалистического отечества. Упрек, адресованный нашей критике, мы должны признать справедливым упреком. Критика, особенно газетная, наиболее чи-

таемая писателями, — критика наша неталантлива, схоластична и малограмотна по отношению к текущей действительности. Ничтожество книжно-газетного знания особенно ярко обнажается в наши дни быстрого изменения действительности, обилия разнообразных деяний. Не имея, не выработав единой руководящей критико-философской идеи, пользуясь все одними и теми же цитатами из Маркса, Энгельса, Ленина, критика почти никогда не исходит в оценке тем, характеров и взаимоотношений людей из фактов, которые дает непосредственное наблюдение над бурным ходом жизни. В нашей стране и работе есть много такого, чего, конечно, не могли предусмотреть Маркс и Энгельс. Критика говорит автору: «Это сделано неверно, потому что наши учителя говорят по этому поводу так-то». Но она не может сказать: «Это — неверно, потому что факты действительности противоречат показаниям автора». Из всех чужих мыслей, которыми пользуются критики, они, видимо, совершенно забыли ценнейшую мысль Энгельса: «Наше учение — не догма, а руководство к действию». Критика недостаточно действенна, гибка, жива, и, наконец, критик не может научить автора писать просто, ярко, экономно, ибо сам он пишет многословно, тускло и — что еще хуже — или равнодушно, или же слишком горячо, — последнее в том случае, если он связан с автором личными симпатиями, а также интересами группки людей, заболевших «вождизмом», прилипчивой болезнью мещанства.

«Вождизм» — это болезнь эпохи, она вызвана пониженной жизнеспособностью мелкого мещанства, ощущением его неизбежной гибели в борьбе капиталиста с пролетарием и страхом пред гибелью, — страхом, который гонит мещанина на ту сторону, которую он издавна привык считать наиболее физически сильной, — в сторону работодателя — эксплуататора чужого труда, грабителя мира. Внутренне «вождизм» — результат изжитости, бессилия и нищеты индивидуализма, внешне он выражается в формах таких гнойных нарывов, каковы, например, Эберт, Носке, Гитлер и подобные герои капиталистической действительности. У нас, где создается действительность социалистическая, такие нарывы, конечно, невозможны. Но у нас в качестве наследия мещанства еще остались кое-какие прыщи, не способные понять существенного различия между «вождизмом» и руководством, хотя различие совершенно ясно: руководство, высоко оценивая энергию людей, указывает пути к достижению наилучших практических результатов при наименьшей затрате сил, а «вождизм» — индивидуалистическое стремление мещанина встать на голову выше товарища, что и удается весьма легко при наличии механической ловкости, пустой головы и пустого сердца.

Критика уступает слишком много места полуграмотным рецензентам, которые вызывают только недоумение и обиды авторов, но не способны чему-либо научить. Не замечают попыток воскресить и ввести в жизнь некоторые идеи народнической литературы и, наконец, — что очень важно — не интересуются ростом литературы областной, не говоря о союзной. Следует еще сказать, что критика не касается публичных сообщений литераторов о том, «как они пишут», а эти сообщения очень требуют внимания критики.

Самокритика необходима, товарищи. Мы работаем пред лицом пролетариата, который, становясь все более грамотным, непрерывно повышает свои требования к нашему искусству, да вместе с этим и к нашему социальному поведению.

Коммунизм идей не совпадает с характером наших действий и взаимоотношений в нашей среде, — взаимоотношений, в коих весьма серьезную роль играет мещанство, выраженное в зависти, в жадности, в пошлых сплетнях и взаимной хуле друг на друга.

О мещанстве мы писали и пишем много, но воплощения мещанства в одном лице, в одном образе — не дано. А его необходимо изобразить именно в одном лице и так крупно, как сделаны мировые типы Фауста, Гамлета и др.

Напомню, что мещанство — многочисленный класс паразитов, которые, ничего не производя, стремятся потреблять-поглощать как можно больше — и поглощают. Паразитируя на крестьянстве и рабочем классе, тяготея всегда в лапы крупной буржуазии, а иногда, по силе требования извне, переходя на сторону пролетариата и внося в его среду анархизм, эгоцентризм и всю исторически присущую мещанину пошлость, — пошлость мысли, питающейся исключительно фактами быта, а не внушениями труда, — мещанство — насколько оно мыслило и мыслит — всегда пропагандировало и укрепляло философию индивидуального роста, по линии наименьшего сопротивления искало более или менее устойчивого равновесия между двумя силами. Отношение мещанства к пролетариату особенно ярко характеризуется тем фактом, что даже полуничий крестьянин, собственник ничтожнейшего клочка земли, презирал рабочего фабрики, лишеного всякой собственности, кроме рук. Что у пролетария есть еще и голова, мещанин замечал лишь тогда, когда руки пролетария начинали действовать революционно, вне фабрики.

Не все сорные травы вредны или бесполезны, ибо из многих сорных трав добываются целительные яды. Мещанство вырабатывает только яд разрушающий. Если б мещанин не чувствовал себя ничтожной деталью в машине капитализма, — он не стремился бы так упорно и так бесплодно доказывать свою значительность и свободу своей мысли, воли, свое право на бытие и не создал бы на протяже-

нии XIX–XX веков такое количество «лишних людей», «кающихся дворян», «героев безвременья», людей типа «ни павы, ни вороны»^{*}.

В Союзе Советов мещанство сдвинуто с места, выгнано из его гнезд, из сотен уездных городов, развеялось всюду и, как мы знаем, просачивается даже в партию Ленина, откуда его вышибают при каждой партийной чистке. Все-таки оно остается и действует, как микроб, вызывающий постыдные заболевания.

Партийное руководство литературой должно быть строго очищено от всяких влияний мещанства. Партийцы в литературе обязаны явиться не только учителями идеологии, организующей энергию пролетариата всех стран на последний бой за его свободу, — партийное руководство должно явить всем своим поведением морально авторитетную силу. Эта сила должна внести в среду литераторов прежде всего сознание ими коллективной их ответственности за все явления в их среде. Советская литература, при всем разнообразии ее талантов и непрерывно растущем количестве новых даровитых писателей, должна быть организована как единое коллективное целое, как мощное орудие социалистической культуры.

Союз писателей создается не для того, чтоб только физически объединить художников слова, но чтобы профессиональное объединение позволило им понять свою коллективную силу, определить с возможной ясностью разнообразие направлений ее творчества, ее целевые установки и гармонически соединить все цели в том единстве, которое руководит всею трудотворческой энергией страны.

Речь идет, конечно, не о том, чтобы ограничить индивидуальное творчество, но чтобы предоставить для него широчайшие возможности дальнейшего мощного развития.

Надо усвоить, что критический реализм возник как индивидуальное творчество «лишних людей», которые, будучи не способны к борьбе за жизнь, не находя себе места в ней и более или менее отчетливо сознавая бесцельность личного бытия, понимали эту бесцельность только как бессмыслие всех явлений социальной жизни и всего исторического процесса.

Отнюдь не отрицая широкой огромной работы критического реализма, высоко оценивая его формальные достижения в искусстве живописи словом, мы должны понять, что этот реализм необходим нам только для освещения пережитков прошлого, для борьбы с ними, вытравливания их.

Но эта форма реализма не послужила и не может служить воспитанию социалистической индивидуальности, ибо — все критикуя —

^{*} М. Горький имеет в виду героя произведения писателя-народника Осиповича (А. О. Новодворского) «Эпизод из жизни ни павы, ни вороны» (*Прим. ред.*).

ничего не утверждала или же — в худших случаях — возвращалась к утверждению того, что ею же отрицалось.

Социалистическая индивидуальность, как мы видим на примере наших героев труда, которые являются цветением рабочей массы, — социалистическая индивидуальность может развиваться только в условиях коллективного труда, поставившего перед собою высочайшую и мудрую цель освобождения трудящихся всего мира из-под искажающей людей власти капитализма.

Социалистический реализм утверждает бытие как деяние, как творчество, цель которого — непрерывное развитие ценнейших индивидуальных способностей человека ради победы его над силами природы, ради его здоровья и долголетия, ради великого счастья жить на земле, которую он сообразно непрерывному росту его потребностей хочет обработать всю как прекрасное жилище человечества, объединенного в одну семью.

Сказав так много о недостатках литературы нашей, я обязан отметить ее достоинства и завоевания. Здесь у меня нет места и времени указать на резкое различие нашей и западной литературы... Скажу только, что для всякого беспристрастного ценителя совершенно ясно: наша литература обогнала западную новизною тем, и напомним, что многие из литераторов наших оценены на Западе еще более высоко, чем у себя на родине. О завоеваниях литературы нашей я уже говорил полным голосом и с великой радостью в 1930 году в статье, напечатанной в книге «О литературе» <...>, и во многих других статьях этой книги. С той поры прошли четыре года напряженной работы. Дает ли эта работа мне право повысить оценку достижений нашей литературы? Право это мне дает высокая оценка многих книг основным нашим читателем — рабочим и колхозником. Вам известны эти книги, а потому я не буду называть их, скажу только, что у нас уже есть солидная группа живописцев словом, — группа, которую мы можем признать «ведущей» в процессе развития художественной литературы.

Эта группа объединяет наиболее талантливых партийцев-литераторов с беспартийными, и последние становятся «советскими» не на словах, а на деле, усваивая все более глубоко общий и общечеловеческий смысл героической работы партии и рабочекрестьянской, Советской власти. Не надо забывать, что русской буржуазной литературе потребовалось — считая с конца XVIII века — почти сто лет для того, чтоб властно войти в жизнь и оказать на нее известное влияние. Советская революционная литература достигла этого влияния за пятнадцать лет.

Высота требований, которые предъявляются к художественной литературе, быстро обновляемой действительностью и культурно-

революционной работой партии Ленина, — высота этих требований объясняется высотой оценки значения, которое придается партией искусству живописи словом. Не было и нет в мире государства, в котором наука и литература пользовались бы такой товарищеской помощью, такими заботами о повышении профессиональной квалификации работников искусства и науки. Об этой помощи, об этой работе говорят нам не только организации ВИЭМ* и литвуз.

Государство пролетариев должно воспитать тысячи отличных «мастеров культуры», «инженеров душ». Это необходимо для того, чтобы возратить всей массе рабочего народа отнятое у нее всюду в мире право на развитие разума, талантов, способностей. Это намерение, практически осуществимое, возлагает на нас, литераторов, необходимость строгой ответственности за нашу работу и за наше социальное поведение. Это ставит нас не только в традиционную для реалистической литературы позицию «судей мира и людей», «критиков жизни», но предоставляет нам право непосредственного участия в строительстве новой жизни, в процессе «изменения мира».

Обладание правом и должно внушить каждому литератору сознание его обязанности и ответственности за всю литературу, за все явления, которых в ней не должно быть.

Союз советских литераторов объединяет 1500 литераторов; в расчете на массу мы получаем одного литератора на 100 тысяч читателей. Это — не много, ибо жители Скандинавского полуострова в начале этого столетия имели одного литератора на 230 читателей. Население Союза Социалистических Республик непрерывно и почти ежедневно демонстрирует свою талантливость, однако не следует думать, что мы скоро будем иметь 1500 гениальных писателей. Будем мечтать о 50. А чтобы не обманываться — наметим 5 гениальных и 45 очень талантливых. Я думаю, что для начала хватит и этого количества. В остатке мы получим людей, которые все еще недостаточно внимательно относятся к действительности, плохо организуют свой материал и небрежно обрабатывают его. К этому остатку нужно присоединить многие сотни кандидатов в союз и затем — сотни «начинающих» писателей во всех республиках и областях. Сотни из них пишут, десятки уже печатаются. За 1933–1934 годы в различных городах — от Хабаровска и Комсомольска до Ростова и Сталинграда, Ташкента, Воронежа, Кабардино-Балкарии, Тифлиса и т. д. — вышло около тридцати сборников и альманахов, наполненных произведениями местных начинающих литераторов.

Оценивать эту работу — обязанность критики, которая все еще не замечает ее, хотя пора заметить. Эта работа, какова бы она

* Всесоюзный институт экспериментальной медицины (*Прим. ред.*).

ни была, говорит все-таки о глубине культурного процесса в массе народа. Читая эти книжки, чувствуешь, что авторы стихов, рассказов, пьес — рабкоры, селькоры. Я думаю, что мы имеем добрый десяток тысяч молодежи, которая стремится работать в литературе. Разумеется, будущий литвуз не в состоянии поглотить и десятую часть этой армии.

Теперь я спрошу: зачем организован съезд литераторов, и какие цели ставит перед собой будущий союз? Если только цели профессионального благоустройства работников литературы, тогда едва ли следовало городить столь грандиозный огород. Мне кажется, что союз должен поставить целью своей не только профессиональные интересы литераторов, но интересы литературы в ее целом. Союз должен в какой-то мере взять на себя руководство армией начинающих писателей, должен организовать ее, распределить ее силы по различным работам и учить работать с материалом прошлого и настоящего.

В стране нашей идет работа над «Историей фабрик и заводов». Оказалось, что привлечь к этой работе высококвалифицированных литераторов весьма трудно. Покамест из них отлично работают только поэтесса Шкапская и Мария Левберг, другие же не только не касаются сырого материала, но не находят времени для редактирования обработанного.

Мы не знаем истории нашего прошлого. Предполагается и частью уже начата работа над историей удельно-княжеских и порубежных городов от времени их основания до наших дней. Эта работа должна осветить нам в очерках и рассказах жизнь феодальной России, колониальную политику московских князей и царей, развитие торговли и промышленности, — картину эксплуатации крестьянства князем, воеводой, купцом, мелким мещанином, церковью, — и заключить все это организацией колхозов — актом подлинного и полного освобождения крестьянства от «власти земли», из-под гнета собственности.

Нам нужно знать историю прошлого союзных республик. К этим и многим другим коллективным работам можно привлечь сотни начинающих писателей, и эта работа предоставит им широчайшую возможность самообразования, повышения квалификации путем коллективной работы над сырым материалом и взаимной самокритики.

Нам необходимо знать все, что было в прошлом, но не так, как об этом уже рассказано, а так, как все это освещается учением Маркса — Ленина — Сталина и как это реализуется трудом на фабриках и на полях, — трудом, который организует, которым руководит новая сила истории — воля и разум пролетариата Союза Социалистических Республик.

Вот какова, на мой взгляд, задача союза литераторов. Наш съезд должен быть не только отчетом пред читателями, не только парадом наших дарований, но он должен взять на себя организацию литературы, воспитание молодых литераторов на работе, имеющей всесоюзное значение всестороннего познания прошлого и настоящего нашей родины.